

Археографические исследования

УДК 325.2

DOI: 10.28995/2658-6541-2019-2-106-124

Отражение истории русской монархической эмиграции в документальных сборниках «Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века»

Сергей В. Карпенко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; skarpenk@mail.ru*

Аннотация. В статье раскрываются содержание и значимость документов о монархической эмиграции, которые были опубликованы в 7-м и 8-м томах документальной серии «Русская военная эмиграция». В основных чертах характеризуется этот уникальный и масштабный археографический проект, включающий в себя десять томов документов и материалов, которые хранятся в архивах российских спецслужб и почти сто лет имели гриф «совершенно секретно». К настоящему времени издание десяти томника полностью завершено, и, по мнению авторов, он явился одним из самых успешных археографических проектов в современной России. В 7-й и 8-й тома включены документы советской разведки, которые, помимо многих других вопросов истории русской военной эмиграции, освещают деятельность монархических организаций в Японии и Китае в 1920–1930-е гг. Их ценность, по мнению авторов, состоит в том, что они впервые раскрывают противоречия между разными течениями монархизма, существовавшими в условиях эмиграции. Кроме того, они дают широкую картину конфликтных отношений между военными и монархическими группами и их руководителями. Наконец, обширные комментарии и квалифицированный научно-справочный аппарат 7-го и 8-го томов существенно дополняют общую картину жизни монархической эмиграции в Японии и Китае. Тем самым, по заключению авторов, эти два тома уже широко известной документальной серии существенно расширили источниковую базу исследований русской монархической эмиграции 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: русская эмиграция, военная эмиграция, монархическая эмиграция, разведка, историография, археография, Япония, Китай

Для цитирования: Карпенко С.В. Отражение истории русской монархической эмиграции в документальных сборниках «Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века» // История и архивы. 2018. № 2. С. 106–124. DOI: 10.28995/2658-6541-2019-2-106-124

Reflection of the History
of the Russian Monarchic Émigré Community
in the Documentary Collections:
“The Russian Military Émigré Community
of the 1920s – 1940s”

Sergey V. Karpenko

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia; skarpenk@mail.ru*

Abstract. The article describes the subject matter and the significance of the monarchic émigré community documents that were published in Volumes 7 and 8 of the documentary collection: “The Russian Monarchic Émigré Community”. This unique and extensive archaeographic project, which is characterized in the main, contains ten volumes of documents and papers that are stored in the archives of the Russian intelligence service and that have been kept as top secret documents for almost 100 years. The publication of the 10-volume work has been finished by now, and the authors consider it to be one of the most successful archaeographic projects in contemporary Russia. Volumes 7 and 8 contain Soviet intelligence service documents that do not only cover various issues of the history of the Russian military émigré community but also deal with the activity of the monarchic organizations in Japan and China in the 1920s – 1930s. The authors see the significance of the documents in the fact that it is for the first time that they disclose the contradictions between different monarchic trends which existed within the émigré community. Besides, they present a vast picture of conflict relations between the military and monarchic groups and their leaders. Lastly, the extensive comments and sophisticated finding aids of Volumes 7 and 8 expand substantially the general picture of the life of the monarchic émigré community in Japan and China. Therefore, the authors come to the conclusion that these two volumes of the well known documentary series have significantly broadened the source basis of the research on the Russian monarchic émigré community in the 1920s – 1930s.

Keywords: Russian émigré community, military émigré community, monarchic émigré community, intelligence service, historiography, archaeography, Japan, China

For citation: Karpenko SV. Reflection of the History of the Russian Monarchic Émigré Community in the Documentary Collections: “The Russian Military Émigré Community of the 1920s – 1940s”. *History and archives*. 2019;2:106-24. DOI: 10.28995/2658-6541-2019-2-106-124

Введение

Изучение истории российской антибольшевистской эмиграции, как и Белого движения, во всех ее аспектах в 1990–2010-е гг. сопровождалось быстрым и значительным расширением источниковой базы исследований по этой тематике. Российские исследователи антибольшевистского лагеря, число которых быстро росло благодаря притоку как молодежи, полной романтики и энтузиазма, так и их старших коллег, почуввавших выгодную конъюнктуру, активно искали и использовали ранее недоступные источники.

Сначала расширение источниковой базы шло преимущественно за счет мемуарных произведений эмигрантов, которые в те годы издавались и переиздавались с необыкновенной активностью. Далее, с открытием для читателей спецхранов библиотек, начали использоваться эмигрантские газеты и журналы, особенно «Часовой». Наконец, бесценным источником большого количества уникальной информации стали документы, которые составили так называемый Пражский архив, после Второй мировой войны попавший на хранение в Центральный государственный архив Октябрьской революции (современный ГАРФ). Так началось введение в научный оборот уникальных архивных документов, которые в советскую эпоху находились на секретном режиме хранения.

К подобным источникам относились, прежде всего, документы разнообразных эмигрантских организаций. Их введение в научный оборот позволило исследователям конкретно изучить и ярко описать реальную жизнь и многообразную деятельность различных социальных групп и общественных организаций русских эмигрантов – к примеру, юристов [1] или педагогов [2].

С другой стороны, документы разведывательных органов Красной армии, хранящиеся в Российском государственном военном архиве, впервые позволили ясно представить, насколько серьезно командование Красной армии оценивало военные организации и вообще военную часть русской эмиграции, насколько внимательно следило за ее политическими настроениями, за всеми процессами и событиями, происходившими в среде военной эмиграции. Об этом свидетельствует, в частности, статья опытного архивиста и знатока документов Красной армии Н.Д. Егорова [3].

Поэтому изучение истории археографического освоения рассекреченных архивных документов, в которых отражена история антибольшевистской эмиграции, неразрывно связано с изучением развития отечественной историографии Русского зарубежья. Иными словами, без изучения истории введения в научный оборот документов, хранящихся в российских архивах, невозможно пол-

ноценное и всестороннее исследование истории изучения русской эмиграции, особенно ее военной и монархической составляющих, отечественными специалистами в 1990–2010-е гг.

В настоящей статье рассматривается и оценивается публикация документов советской разведки, включенных составителями в 7-й и 8-й тома уже широко известной документальной серии «Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Документы и материалы», в которых освещается история русской военной и монархической эмиграции во втором по численности регионе Русского зарубежья – Китае и Японии¹.

Первые шаги в публикации документов монархической эмиграции

История русской эмиграции «первой волны» получила частичное отражение в публикациях источников, вышедших в свет с конца 1990-х гг. Начало было положено издательством «Владос», которое в научных и учебных целях представило подборку документов, относящихся к различным течениям политической и военной русской эмиграции².

В середине 2006 г. издательством «Русский путь» во взаимодействии с Библиотекой-фондом «Русское зарубежье» А.И. Солженицына была опубликована подборка документов по подготовке и проведению Зарубежного съезда русских эмигрантских организаций в Париже в апреле 1926 г.³

История собственно монархической эмиграции в этих сборниках отражена фрагментарно. Так, в сборнике «Политическая история русской эмиграции» представлен раздел «Правые и правоцентристские организации»⁴, в котором незначительное место отведено материалам, содержащим сведения о деятельности Высшего монархического совета в Берлине под руководством Н.Е. Маркова (в период 1921–1926 гг.) и движения монархистов-легитимистов (сторонников претендента на престол вел. кн. Кирилла Владимировича), при этом значительное место отведено

¹ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Документы и материалы. Т. 7. М.: Гея, 2015. 951 с.; Т. 8. М.: Юго-Западный государственный университет, 2016. 974 с.

² Политическая история русской эмиграции 1920–1940 гг.: Документы и материалы. М.: Владос, 1999. 776 с.

³ Российский зарубежный съезд. 1926. Париж: Документы и материалы. М.: Русский путь, 2006. 846 с.

⁴ Политическая история русской эмиграции 1920–1940 гг. ... С. 70–171.

работам И.А. Ильина и П.Б. Струве, которые не имели прямого отношения к партийно-политическим структурам русских монархистов в эмиграции.

Значительно больший объем источников представлен в сборнике документов по Зарубежному съезду. В нем представлены материалы собственно Парижского съезда 1926 г. и материалы предсъездовских подготовительных работ 1923–1926 гг. Подробно освещена позиция Высшего монархического совета, Русской Монархической партии во Франции под руководством А.Н. Крупенского и «Русского очага» А.Ф. Трепова. Однако данная подборка посвящена локальной теме и не дает широкой картины политической деятельности монархической эмиграции.

Сведения по истории монархической эмиграции в сохранившихся архивных документах разбросаны фрагментарно по фондам Государственного архива Российской Федерации (Ф. 5763 «Союз Русских Государевых Людей имени Киры Кирилловны», Ф. 5826 «Российский Обще-Воинский Союз», Ф. 5853 «Генерал-майор А.А. фон Лампе», Ф. 6096 «Национальный Комитет»). Как результат отсутствия цельности, монолитности источниковой базы, публикация архивных документов в сборниках, подобных двум охарактеризованным выше, также может раскрывать историю монархической эмиграции лишь фрагментарно. Все же эти документальные материалы условно можно разделить на три группы: касающиеся деятельности Высшего монархического совета, монархистов-легитимистов и сторонников вел. кн. Николая Николаевича («николаевцев»).

На основании анализа этих документов – как архивных, так и опубликованных – одним из авторов данной статьи был написан и опубликован ряд работ, которые посвящены взаимоотношениям военной и монархической эмиграции. Самые значимые из них – о взаимоотношениях Высшего монархического совета и командования Русской армии [4], о взаимоотношениях монархистов-легитимистов и Русского Обще-Воинского союза (РОВС) [5] и о борьбе монархистов за руководство военной эмиграцией [6]. Однако они отражают историю эмиграции, проживавшей только в европейской части Русского зарубежья, а сюжеты, связанные с дальневосточной эмиграцией, в них не затрагиваются.

*Идея археографического проекта
«Русская военная эмиграция 20–40-х годов»
и итоги его реализации*

О том, как возникла идея археографического проекта «Русская военная эмиграция 20–40-х годов», обстоятельно рассказал один из его участников – выпускник Историко-архивного института В.В. Марковчин [7].

По его словам, по мере того как выходили в свет новые статьи, очерки и книги по истории военной эмиграции, все более очевидной становилась необходимость введения в научный оборот документов советских органов государственной безопасности 1920–1930-х гг. Огромная научная ценность этих документов была совершенно очевидна для тех, кто имел с ними дело в силу служебного долга. Эта ценность определялась тем, что советские спецслужбы рассматривали военную и политическую эмиграцию как реального противника, несущего угрозу власти партии большевиков, а потому целенаправленно собирали и анализировали информацию об эмигрантской среде, о ее руководителях и организациях.

Идея проекта возникла в 1994 г. на форуме отечественных архивистов, который проходил в Институте военной истории Министерства обороны России (теперь – Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации). Поначалу сотрудничество Института военной истории с архивами, включая архивы современных российских спецслужб, ограничивалось уточнением биографических данных видных деятелей Белого движения и эмиграции. Позднее решили приступить к осуществлению публикаций документов о РОВС с участием Минобороны, СВР и ФСБ России. И наконец, по мере развертывания работы начинание превратилось в фундаментальный десяти томный проект [7 с. 150].

К настоящему времени вышли в свет все 10 томов документальной серии.

Названия 7-го и 8-го томов отражают хронологические и региональные рамки представленных в них документов – «Восточная ветвь 1920–1928 гг.» и «Противостояние 1927–1941 гг.». Выявленные составителями и включенные в эти тома документы советских спецслужб представляют историю русской военной эмиграции во втором по численности регионе Русского зарубежья – Китае и Японии. В них отражена деятельность бывших военнослужащих белых армий периода Гражданской войны на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке – Верховного правителя адмирала А.В. Колчака, войскового атамана Забайкальского казачьего войска Г.М. Семенова,

воеводы Приамурского земского края генерала М.К. Дитерихса и начальника Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) генерала Д.Л. Хорвата.

О том, сколь давно необходимым и важным было введение в научный оборот этих документов, свидетельствуют опубликованные в 2010-е гг. исследования по истории русской военной эмиграции на Дальнем Востоке. В качестве наиболее ярких примеров укажем на статью М.В. Кротовой о генерале В.Н. Касаткине [8], биографический очерк В.Ж. Цветкова о бароне Р.Ф. Унгерне, из-за большого объема опубликованный с разбивкой на первую [9] и вторую части [10], и статью С.В. Смирнова [11]. Хотя эти научные работы основаны на ранее неизвестных документах, выявленных авторами в российских (центральных и региональных) и зарубежных архивах, и большом количестве разнообразных опубликованных источников, документы советских спецслужб, включенные в 7-й и 8-й тома, на наш взгляд, обогатили бы их как важными фактическими сведениями, так и оценочными суждениями сотрудников советской разведки, которые занимались анализом разведывательной информации.

Содержание и научная ценность опубликованных документов

Содержание опубликованных в 7-м и 8-м томах документов сразу подтверждает, что внутренние конфликты, которые характеризовали русскую монархическую эмиграцию в Европе в 1920–1930-х гг., нашли свое отражение и на Дальнем Востоке, в главных его «русских» центрах – Токио, Харбине, Шанхае, Пекине, Мукдене, приамурских станицах, полосе отчуждения КВЖД.

Деятельность ячеек берлинского Высшего монархического совета, созданного по итогам съезда в Бад-Рейхенгалле (Бавария) в мае–июне 1921 г., в дальневосточном регионе русской эмиграции представлена в незначительном объеме, что, безусловно, не соответствовало активности организации в Европе. Это явилось косвенным свидетельством непопулярности этой организации как по причине географической отдаленности руководящего центра от Азии, так и вследствие того, что Высший монархический совет политически формально принадлежал к «николаевцам». Военные эмигранты в Маньчжурии, не знакомые с перипетиями внутриэмигрантских политических интриг в европейских странах, предпочитали состоять в военных союзах «николаевцев», полагая, что тем самым поддерживают позицию Высшего монархического совета.

Тем не менее в 7-м томе представлен обзор деятельности русских монархических организаций за 1924 г. (документ № 14)⁵, в котором выявлены монархические союзы, подчиненные Высшему монархическому совету. Центром стал «русский» Харбин, в котором разместился «Окружной Совет Объединенных монархических Организаций Дальнего Востока и Сибири» во главе с Д.В. Мурзаевым, а также активная «николаевская» организация внутри этого объединения – «Вера, Царь и Народ»⁶ под руководством генерала Д.В. Загоскина. Также в томе опубликован датированный декабрем 1923 г. ответ вел. кн. Николая Николаевича на отправленное ранее приветствие организации (документ № 7)⁷. Наряду с харбинской организацией отмечен также «Комитет Монархических Объединений в Шанхае» во главе с М.Я. Домрачевым⁸.

Пиком активности монархистов Дальнего Востока, как и в Европе, стал 1926 г. – период подготовки и проведения Зарубежного съезда в Париже. Сведения об организациях отложились в материалах парижской резидентуры Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ (документ № 26)⁹ – это список за подписью М.Я. Домрачевца, в который он включил ориентированные на Высший монархический совет 46 «монархических» организаций¹⁰. Столь широкое представительство Высшего монархического совета на Дальнем Востоке являлось очевидным предсъездовским преувеличением, связанным с желанием получить из Европы дополнительное финансирование деятельности и для проезда делегатов на съезд.

С другой стороны, Высший монархический совет формально положительно отреагировал на избрание вел. кн. Николая Николаевича на парижском Зарубежном съезде 1926 г. «Вождем» эмиграции, что привело к дальнейшему усилению его позиций в РОВС и постепенному вытеснению из руководства главнокомандующего генерала П.Н. Врангеля. В сводке ИНО ОГПУ за декабрь 1927 г. представлено распоряжение совета с призывом к военным эмигрантам сплотиться вокруг вел. кн. Николая Николаевича как представителя «дорогого всем нам царственного дома» (документ № 92)¹¹.

Кончина вел. кн. Николая Николаевича в январе 1929 г. во французском городе Антиб привела к краху организаций Высшего

⁵ Русская военная эмиграция 20–40-х годов... Т. 7. С. 86–94.

⁶ Там же. С. 89.

⁷ Там же. С. 68, 69.

⁸ Там же. С. 91.

⁹ Там же. С. 119–122.

¹⁰ Там же. С. 120–122.

¹¹ Там же. С. 383.

монархического совета на Дальнем Востоке. В 8-м томе представлена сводка ИНО ОГПУ за январь 1929 г. (документ № 3)¹² о положении эмигрантских организаций. В ней отмечен глубокий застой практически всех организаций в связи со смертью «Вождя» эмиграции. Из 46 организаций 1926 г. в сводке 1929 г. отмечена только одна – «Вера, Царь и Народ» – с полутора десятком ячеек, однако констатируется полное отсутствие финансирования и исключительно информационный характер работы¹³.

Отражена в документах и безуспешная попытка «боевой» работы Высшего монархического совета на Дальнем Востоке. Так, в 7-м томе представлена инструкция по работе Военного отдела «Окружного Совета Объединенных монархических Организаций Дальнего Востока и Сибири» (документ № 15)¹⁴. В 1924 г. была отмечена попытка совета сформировать свои военные отделы путем командировки в Харбин из Италии генерала В.И. Гурко и назначение генерала Д.Л. Хорвата начальником гражданской части (документ № 14)¹⁵. Эта активность совета во многом была связана с последующим рескриптом вел. кн. Николая Николаевича на имя генерала П.Н. Врангеля в июне 1925 г., которым все военные формирования на Дальнем Востоке подчинялись его личному представителю – генералу А.С. Лукомскому. Отдел РОВС был создан только осенью 1928 г. под руководством генерала М.В. Ханжина (с 1930 г. – генерала М.К. Дитерихса).

Особый интерес представляет опубликованное в 8-м томе письмо председателя Высшего монархического совета (с 1926 г.) А.Н. Крупенского представителю организации на Дальнем Востоке А.Н. Мошкову в мае 1932 г. (документ № 180)¹⁶. В связи с образованием японцами марионеточного государства Маньчжоу-го в марте 1932 г. и возможной скорой агрессией Японии против СССР председатель берлинского Высшего монархического совета делился планами проживавшего в Югославии кубанского генерала А.Г. Шкуро, который намеревался перебросить от 8 до 10 тыс. казаков на Дальний Восток из Югославии с целью участия в этой интервенции. План так и не был реализован.

Последняя попытка «боевой» активности совета на Дальнем Востоке была зарегистрирована в «Справке 5-го отдела ГУГБ

¹² Русская военная эмиграция 20–40-х годов... Т. 8. С. 22–36.

¹³ Там же. С. 30.

¹⁴ Там же. Т. 7. 2015. С. 95–97.

¹⁵ Там же. С. 94.

¹⁶ Там же. Т. 8. С. 529, 530.

НКВД СССР» в 1940 г. (документ № 249)¹⁷. В ней отмечалось создание в 1938 г. японцами в Маньчжоу-го «Монархического объединения Маньчжурии» во главе с Б.В. Шепуновым¹⁸, а также попытки сформировать буферное монархическое государство на Дальнем Востоке по образцу Маньчжоу-го. При этом претендентами на престол выдвигались якобы проживавший в Швейцарии мифический «незаконнорожденный» сын императора Николая II, от легитимистов – вел. кн. Владимир Кириллович (сын вел. кн. Кирилла Владимировича) или племянник вел. кн. Николая Николаевича – Роман Петрович¹⁹.

Особое место занимают материалы по работе «николаевцев» на Дальнем Востоке. Их условно можно разделить на документы, посвященные противостоянию с легитимистами, и материалы о попытках объединения военной и монархической эмиграции в консолидированный «правый» лагерь на «непредрешенческой» позиции будущей национальной России.

Отметим, что политическая программа самого вел. кн. Николая Николаевича была озвучена в интервью в ноябре 1924 г. корреспонденту американского агентства «Юнайтед Пресс» Ральфу Гейнцену и не носила четко выраженной монархической направленности: «Великий князь ясно указал, что это общерусское движение не является шагом к реставрации монархии. Его целью является лишь установление того, что белые называют Национальным правительством. Выберет ли Россия монархическую или республиканскую форму правления, будет зависеть от национальных чаяний...»²⁰.

Большая часть документов по «николаевцам» представлена в 7-м томе. В агентурное сообщение ИНО ОГПУ 1923 г. включен циркуляр вел. кн. Кирилла Владимировича о предложении со стороны легитимистов по объединению работы с вел. кн. Николаем Николаевичем и Петром Николаевичем (документ № 6)²¹. Однако в сводке ИНО ОГПУ за 1924 г. (документ № 11)²² констатируется глубокий конфликт между двумя представителями династии Романовых: поддержка вел. кн. Николая Николаевича «Комитетом Монархических Объединений в Шанхае» во главе с М.Я. Домрачевым и «Офицерским объединением» генерала

¹⁷ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века... Т. 8. С. 725–727.

¹⁸ Там же. С. 725, 726.

¹⁹ Там же. С. 727.

²⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5826. Оп. 1. Д. 166-б. Л. 30.

²¹ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века... С. 67, 68.

²² Там же. С. 78, 79.

М.М. Плешкова, а также яростные обвинения с их стороны в адрес вел. кн. Кирилла Владимировича в «либерализме» в дни Февральской революции²³.

В сводке ИНО ОГПУ за 1926 г. (документ № 27)²⁴ отмечено недопустимое, с точки зрения «николаевцев», выступление морских офицеров-легитимистов во главе с адмиралом В.В. Безуаром в шанхайской газете «За веру, царя и отечество» против вел. кн. Николая Николаевича. Это выступление завершилось вмешательством в скандал сотрудников английского консульства с использованием британскими дипломатами ненормативной лексики²⁵.

Партийно-политическая деятельность «николаевцев» в сборнике представлена в небольшом объеме. Так, в агентурном сообщении ИНО ОГПУ в 1923 г. содержится приветствие Дальневосточного отделения «Всероссийского союза земельных собственников» в связи с началом активной политической деятельности вел. кн. Николая Николаевича (документ № 5)²⁶.

Отдельным блоком представлены документы о командировке в 1924–1925 гг. на Дальний Восток представителя вел. кн. Николая Николаевича генерал-лейтенанта А.С. Лукомского. В сообщении пражской резидентуры ИНО ОГПУ в 1925 г. отмечался острый конфликт, возникший между А.С. Лукомским и атаманом Г.М. Семеновым, с одной стороны, и представителем вел. кн. Кирилла Владимировича полковником Н.Л. Жадвойном, с другой – по вопросам организационного подчинения и тактики антибольшевистской работы (документ № 18)²⁷.

Общий итог поездки представлен в сводке КРО ОГПУ за 1925 г., в которой отмечается крайне негативная реакция А.С. Лукомского на деятельность «правых организаций» Дальнего Востока. Судя по отчету, им были выявлены «небрежность», «отсутствие сплоченности» и преследование «личных целей» лидерами союзов и объединений эмиграции (документ № 19)²⁸.

Тем не менее, А.С. Лукомскому в Париж в сентябре 1927 г. был направлен из Харбина доклад генерала А.И. Андогского (документ № 90)²⁹. Ведущим положением доклада стал тезис о необходимости создания буферного государства на Дальнем

²³ Русская военная эмиграция 20–40-х годов... Т. 7. С. 79.

²⁴ Там же. С. 123–127.

²⁵ Там же. С. 123.

²⁶ Там же. С. 65, 66.

²⁷ Там же. С. 102, 103.

²⁸ Там же. С. 103, 104.

²⁹ Там же. С. 362–378.

Востоке под покровительством диктатора Маньчжурии маршала Чжан Цзолиня и при поддержке Японии. При этом автор записки апеллировал к положительному заключению лидеров парижского консервативного «Патриотического объединения» – И.П. Алексинского, А.Н. Крупенского, генерала И.Г. Акулинина и С.Е. Крыжановского³⁰.

Идея «буферного национального» государства на Дальнем Востоке под руководством вел. кн. Николая Николаевича конкретизирована в сводке парижской резидентуры ИНО ОГПУ за декабрь 1927 г. В ней сообщалось о переговорах в Париже с японским послом, который дал обещание финансировать белые антибольшевистские части при условии сотрудничества «николаевцев» с атаманом Г.М. Семеновым и последующего выдвижения великим князем, в качестве альтернативы атаману, генерала Д.Л. Хорвата (документ № 94)³¹.

Значительный объем занимает в документах «освещение» работы легитимистов. Они подтверждают свойственный легитимистам стиль работы как в Европе, так и на Дальнем Востоке – стремление объединить практически всех, кто признает права на престол вел. кн. Кирилла Владимировича, и немедленное, зачастую скандальное, отчисление из рядов движения лиц, выразивших сомнение в легитимных правах его самого или наследника – Владимира Кирилловича.

Многочисленные и слабо централизованные легитимистские союзы создавали атмосферу хронических политических скандалов, местнических и финансовых интриг. Сообщение константинопольской резидентуры ИНО ОГПУ за июнь 1928 г. содержит распоряжение вел. кн. Кирилла Владимировича пройти регистрацию исключительно у официального представителя движения на Дальнем Востоке генерала Н.Л. Жадвойна и запрещает создание нецентрализованных «законопослушных» военных и политических структур (документ № 101)³². Однако, по сообщению ИНО ОГПУ, на Дальнем Востоке в 1932 г. дела по руководству легитимистским движением были переданы от ветерана движения Н.Л. Жадвойна генерал-лейтенанту В.А. Кислицыну (документ № 45)³³. В ноябре 1935 г. В.А. Кислицын был отчислен из рядов движения за «измену» в связи с переходом в неподконтрольную легитимистам политическую организацию и попыткой перевода в нее офицеров-легитимистов (документ № 230)³⁴.

³⁰ Русская военная эмиграция 20–40-х годов... Т. 7. С. 373.

³¹ Там же. С. 386.

³² Там же. С. 402.

³³ Там же. С. 159, 160.

³⁴ Там же. С. 704, 705.

Значительная часть опубликованных в сборнике документов содержит ценные сведения об «активизме» легитимистов в эмигрантской среде и об их относительно успешных, в сравнении с другими направлениями монархизма в эмиграции, попытках борьбы с большевистской властью.

Так, в январе 1924 г. Н.Л. Жадвойн доносил о серьезных препятствиях в работе на КВЖД из-за «политиканства, интриг и происков личных честолюбий» со стороны «верхов» эмиграции. При этом, однако, отмечались успехи в засылке агитационной литературы на территорию СССР и в деле вербовки «низовой» эмиграции (документ № 8)³⁵.

Активное сопротивление легитимисты оказали созванному в 1926 г. «николаевцами» парижскому Зарубежному съезду. Оповещающая «кирилловцев» Дальнего Востока о результатах съезда (документ № 31)³⁶, Н.Л. Жадвойн отмечал явное несогласие с выдвижением вел. кн. Николая Николаевича в качестве «Вождя» русской эмиграции. Особый упор делался на революционном прошлом организаторов съезда – П.Б. Струве, И.П. Алексинского³⁷, проводились аналогии с «соглашательскими» решениями политиков и общественных деятелей в 1917 г.³⁸

Существенный прорыв в деле объединения военной и монархической частей эмиграции легитимисты совершили в апреле 1924 г., когда по инициативе генерал-майора Е.И. Долива-Долинского был образован «Корпус Офицеров Императорской Армии и Флота». В приказе от 30 апреля 1924 г. отмечалось: «Корпус Офицеров Императорской Армии и Флота образуется с целью произвести отбор достойных Русских Офицеров, верных Престолу и Основным Законам Российской Империи и объединить их под Знаменем Законности для предстоящего служения Родине...»³⁹.

Работа отдела «Корпуса Офицеров Императорской Армии и Флота» на Дальнем Востоке нашла отражение в приказе вел. кн. Кирилла Владимировича в мае 1926 г., в котором особо отмечался сформированный произведенным в генерал-майоры Н.Л. Жадвойном легитимистский «Сибирский Конно-Партизанский отряд» и погибшие в ходе вылазок на территорию СССР казаки и партизаны (документ № 28)⁴⁰.

³⁵ Русская военная эмиграция 20–40-х годов... Т. 7. С. 69, 70.

³⁶ Там же. С. 132–134.

³⁷ Там же. С. 132, 133.

³⁸ Там же. С. 134.

³⁹ ГА РФ. Ф. 5763. Оп. 1. Д. 16. Л. 33.

⁴⁰ Русская военная эмиграция 20–40-х годов... Т. 7. С. 126, 127.

Общая «вольная» атмосфера в военно-политических структурах легитимистов привела к попыткам их централизации, чему в немалой степени способствовало незначительное число сторонников движения. Списочный состав легитимистов в пяти харбинских отделах с подгруппами к 1932–1933 гг. не превышал 64 человека (документ № 192)⁴¹. В 1926 г. до сведения членов «Корпуса» был доведен приказ вел. кн. Кирилла Владимировича о проведении обязательных собеседований с целью ознакомления с информацией о легитимистском движении и о мировом политическом положении в целом (документ № 30)⁴². В 8-м томе опубликован также текст новогоднего обращения 1932/33 г. к чинам «Корпуса» генерала В.А. Кислицына, в котором содержались указания еще на две структуры легитимистов – союз «За Веру, Царя и Отечество» и «Союз монархической молодежи» (документ № 195)⁴³.

Членство в военных структурах легитимистов зачастую носило мимолетный и декларативный характер. В сводке берлинской резидентуры ИНО ОГПУ за май 1924 г. содержится информация о переговорах, которые вел атаман Г.М. Семенов, находясь в Японии, с представителями легитимистов. Он выражал готовность подчиниться вел. кн. Кириллу Владимировичу и начать восстановление легитимной монархии с Камчатки при условии содействия его военной акции со стороны Японии (документ № 40)⁴⁴. В сводке ИНО ОГПУ за 1930 г. вновь содержатся сведения о секретных переговорах легитимистов с Г.М. Семеновым о его вхождении в движение и о срыве этого объединения из-за оглашения факта этих переговоров (документ № 67)⁴⁵.

Опубликованные в 8-м томе документы впервые показывают, что существенное значение в работе легитимистов, как и в деятельности «николаевцев», имела идея создания «буферного» монархического государства на Дальнем Востоке, и в этом направлении они действовали последовательнее и активнее своих оппонентов. Сводка ИНО ОГПУ (вероятно, за 1932 или 1933 г.) содержит информацию о начале переговоров представителя легитимистов генерала К.К. Акинтьевского с японским военным министром Араки о «буфере» в Маньчжурии, об очередном соглашении легитимистов по этому вопросу с атаманом Г.М. Семеновым и эмигрантскими фашистскими организациями на Дальнем

⁴¹ Русская военная эмиграция 20–40-х годов... Т. 8. 2016. С. 567–571.

⁴² Там же. Т. 7. С. 131.

⁴³ Там же. Т. 8. С. 574, 575.

⁴⁴ Там же. Т. 7. С. 157, 158.

⁴⁵ Там же. Т. 8. С. 246, 247.

Востоке (документ № 128)⁴⁶. В 1932 г. генерал В.А. Кислицын представил японской стороне доклад о легитимных правах на престол вел. кн. Кирилла Владимировича, последовательном антибольшевизме монархистов, вывел смету расходов на содержание полиции на КВЖД, определив фантастическую для легитимистов предполагаемую численность сотрудников в 2500 человек (документ № 184)⁴⁷.

Активность легитимистов, по эмигрантским масштабам, была столь велика, что в период 1930-х гг. сотрудники ИНО ОГПУ сообщали лично И.В. Сталину о вербовке «белогвардейцами-кирилловцами» офицеров по требованию японцев для вылазок на территорию СССР (документ № 165)⁴⁸.

В том же ключе выдержано сообщение ГУГБ НКВД СССР за 1935 г.: в нем содержится ссылка на секретную переписку представителя РОВС на Дальнем Востоке генерала М.К. Дитерихса, в которой среди возможных руководителей «буфера» в Приморье фигурирует имя кн. Никиты Александровича Романова (документ № 143)⁴⁹.

Логичным продолжением темы было сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР в апреле 1935 г. о признании вел. кн. Кириллом Владимировичем марионеточного государства Маньчжоу-го и готовности Штаба «Корпуса Офицеров Императорской Армии и Флота» направить на службу в полицию КВЖД более 200 военнослужащих (документ № 145)⁵⁰. В июне 1935 г. последовало сообщение ИНО ГУГБ НКВД СССР о встрече в Париже япономаньчжурской делегации с вел. кн. Кириллом Владимировичем, установлении «дипломатических» отношений между сторонами, подтверждалась возможная роль вел. кн. Дмитрия Павловича и кн. Никиты Александровича в создании «буфера» в Приморье (документ № 147)⁵¹.

Идея «буфера» легитимистов не получила реализации на практике, однако переговоры 1930-х гг. косвенно подтвердили попытки лидеров движения сотрудничать со странами будущего Антикоминтерновского пакта как в Европе, так и в Азии.

Особая группа документов в 1924–1925 г. выделялась агентами и сотрудниками ИНО ОГПУ в разделе «монархисты», но в действительности они являлись полукриминальными или явно

⁴⁶ Русская военная эмиграция 20–40-х годов... Т. 8. С. 381, 382.

⁴⁷ Там же. С. 539–544.

⁴⁸ Там же. С. 507.

⁴⁹ Там же. С. 444, 445.

⁵⁰ Там же. С. 446, 447.

⁵¹ Там же. С. 449, 450.

авантюристическими элементами. Некоторые союзы относились также в раздел «черносотенцев» или «правых» организаций. Эти эмигрантские объединения не имели прямого отношения к традициям дореволюционного монархического движения, а явились следствием попыток фашистской или нацистской модернизации монархизма со стороны представителей молодого «пореволюционного» поколения, к которому попытались присоединиться отдельные радикальные деятели поколения «отцов». Эти организации так и не влились в организованное монархическое движение в эмиграции, а использовали марку «монархизма» для маскировки идеи фашистской или нацистской диктатуры в послебольшевистской России.

Так, в сводке ИНО ОГПУ за 1924 г. в числе «монархических» организаций Забайкалья отмечалась организация З.И. Гордеева в 200 человек, имевшая целью откровенный бандитизм на территории СССР, а также банда Н.И. Размахнина, которая поддерживала связь с «Окружным Советом Объединенных монархических Организаций Дальнего Востока и Сибири» во главе с Д.В. Мурзаевым (документ № 14)⁵². В разделе «Бандитизм в Амурской области. Приморье» представлены сведения о мелких партизанских отрядах, которые имели связь с «Легитимно-Монархическим союзом» вел. кн. Кирилла Владимировича⁵³.

В агентурном сообщении ИНО ОГПУ за 1925 г. была представлена организация «старца» Антония, который, «шантажируя на Романовых», сумел объединить эмигрантскую молодежь в организации «Крестоносцев» и «Мушкетеров», причем в документе они определены как «переходная ступень в фашисты» (документ № 17)⁵⁴.

Пик деятельности этих организаций пришелся на 1925 г. и был отмечен в сводках и сообщениях ИНО ОГПУ «О появлении новых молодежных черносотенных организаций» (документ № 21)⁵⁵, «Характеристика молодежных монархических организаций» (документ № 24)⁵⁶, «О монархической организации “Крестоносцы”, ее структуре и руководящих лицах» (документ № 25)⁵⁷. В документах отмечалась сплоченность этих организаций и установленный в них порядок физической, военной и идеологической подготовки молодежных кадров.

⁵² Русская военная эмиграция 20–40-х годов... Т. 7. С. 92, 93.

⁵³ Там же. С. 94.

⁵⁴ Там же. С. 100, 101.

⁵⁵ Там же. Т. 7. С. 106, 107.

⁵⁶ Там же. С. 116, 117.

⁵⁷ Там же. С. 117, 118.

Однако затем, судя по документам советской разведки, стал заметен спад в деятельности этих организаций, что было вызвано доминированием в Маньчжурии созданной на Харбинском юридическом факультете монархической «Русской фашистской организации» профессора Н.И. Никифорова, которая была преобразована в 1931 г. в «Русскую фашистскую партию» под руководством К.В. Родзаевского.

Именно в этих структурах получили возможность активной деятельности радикально настроенные представители старшего поколения эмиграции. С другой стороны, уже имевшийся у них авторитет стал залогом амбиций, последующих расколов и формирования новых организаций. Так, в обзоре ИНО ОГПУ за 1934 г. приводится сообщение о скандальном выходе из Русской фашистской партии генерала В.Д. Косьмина со сторонниками, формировании ими «Военно-монархического союза» и их попытках налаживания агитационно-просветительской и военной работы с эмигрантской молодежью под патронажем Японии (документ № 207)⁵⁸.

Заключение

Таким образом, документы 7-го и 8-го томов документальной серии «Русская военная эмиграция 20–40-х годов» заполняют существенный пробел по истории монархической эмиграции на Дальнем Востоке.

Прежде всего, они детально раскрывают внутренние противоречия разных направлений монархизма, существовавшего в условиях эмиграции. Далее, они дают широкую картину противоречивых и конфликтных отношений между военными и монархическими группами и организациями эмиграции. В сборниках отражена история попыток их объединения на антибольшевистской платформе и крах этих стремлений как из-за политических амбиций отдельных руководителей, так и из-за разницы целей – от идеи военной диктатуры до восстановления легитимной монархии. Наконец, обширные познавательные комментарии и научно-справочный аппарат сборника существенно дополняют общую картину жизни эмиграции в непростых для русских людей культурно-национальных и религиозных условиях Дальневосточного региона.

⁵⁸ Русская военная эмиграция 20–40-х годов... Т. 8. С. 644–654.

Литература

1. Чирова О.А. Работа юристов-эмигрантов в области коммерческого права (20-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 1 (3). С. 103–109.
2. Евсеева Е.Н. Эмигрантская и советская высшая школа 20-х гг. (Опыт сравнительной характеристики) // Новый исторический вестник. 2001. № 1 (3). С. 29–42.
3. Егоров Н.Д. Разведка Красной армии против белой эмиграции (20-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 1 (3). С. 13–28.
4. Серегин А.В. Высший Монархический совет и командование Русской Армии в европейской эмиграции в 1920 – начале 1930-х годов // Отечественная история. 2007. № 5. С. 138–145.
5. Серегин А.В. Монархисты-легитимисты и Русский общевоинский союз // Новый исторический вестник. 2014. № 1 (39). С. 89–103.
6. Серегин А.В. Борьба за руководство в российской военной эмиграции в Европе в 1920-х годах: Анализ историографии // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 1–4 (43). С. 91–96.
7. Марковчин В.В. «Русская военная эмиграция 1920–1940-х годов»: Из истории научно-издательского проекта // Новый исторический вестник. 2015. № 4 (46). С. 149–160.
8. Кротова М.В. Генерал В.Н. Касаткин: неизвестные страницы жизни в Харбине // Новый исторический вестник. 2012. № 3 (33). С. 110–118.
9. Цветков В.Ж. Р.Ф. Унгерн и попытки организации центра антибольшевистского сопротивления в Монголии (1918–1921 годы) [Начало] // Новый исторический вестник. 2015. № 3 (45). С. 145–171.
10. Цветков В.Ж. Р.Ф. Унгерн и попытки организации центра антибольшевистского сопротивления в Монголии (1918–1921 годы) [Окончание] // Новый исторический вестник. 2015. № 4 (46). С. 102–128.
11. Смирнов С.В. Генерал М.К. Дитерихс во главе Дальневосточного отдела РОВС // Новый исторический вестник. 2016. № 2 (48). С. 162–179.

References

1. Chirova OA. Work of Emigrant Lawyers in the Field of Commercial Law (1920s.). *Novyi istoricheskii vestnik*. 2001;1:103-9. [In Russ.]
2. Evseeva EN. Russian Emigrant and Soviet Higher School of the 1920s (An Experience of Comparative Characteristics). *Novyi istoricheskii vestnik*. 2001;1:29-42. [In Russ.]
3. Egorov ND. The Red Army Intelligence against the White Emigration (1920s). *Novyi istoricheskii vestnik*. 2001;1:13-28. [In Russ.]
4. Seregin AV. The Supreme Monarchical Council and Command of the Russian Army in the European Emigration (1920s – Early 1930s). *Otechestvennaya istoriya*. 2007;5:138-45. [In Russ.]
5. Seregin AV. The Monarchists-Legitimists and All-Russian Military Union. *Novyi istoricheskii vestnik*. 2014;1:89-103. [In Russ.]
6. Seregin AV. The Struggle for Leadership in Russian Military Emigration in Europe in the 1920s: An Analysis of Historiography. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*. 2016;1-4:91-6. [In Russ.]

7. *Markovchin VV.* "Russian Military Emigration of the 1920s – 1940s": From the History of the Scientific and Publishing Project. *Novyi istoricheskii vestnik.* 2015;4:149-60. [In Russ.]
8. *Krotova MV.* General V.N. Kasatkin: Unknown Pages of his Life in Harbin. *Novyi istoricheskii vestnik.* 2012;3:110-18. [In Russ.]
9. *Tsvetkov VZh. P.Ф. R.F.* Ungern and the Attempts of the Organization of the Center of Anti-Bolshevik Resistance in Mongolia (1918–1921) [The Beginning.]. *Novyi istoricheskii vestnik.* 2015;3:145-71. [In Russ.]
10. *Tsvetkov VZh. P.Ф. R.F.* Ungern and the Attempts of the Organization of the Center of Anti-Bolshevik Resistance in Mongolia (1918–1921) [The End.]. *Novyi istoricheskii vestnik.* 2015;4:102-28. [In Russ.]
11. *Smirnov SV.* General M.K. Diterikhs at the Head of the Far Eastern Department of the All-Russian Military Union. *Novyi istoricheskii vestnik.* 2016;2:162-79. [In Russ.]

Информация об авторах:

Сергей С. Карпенко, профессор, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; skarpenk@mail.ru

Information about the authors:

Sergey V. Karpenko, professor, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian state University of Humanities, Russia, Moscow; bld. 6., Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; skarpenk@mail.ru